

Ф.С. Шимкевич

Корнеслов русского языка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Ф11

Ф11 **Ф.С. Шимкевич**
Корнеслов русского языка / Ф.С. Шимкевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 351 с.

ISBN 978-5-518-07353-1

Корнеслов русского языка. Сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками.

ISBN 978-5-518-07353-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Виндскаго, Славонскаго, Боснійскаго, Рагузскаго, Далматскаго и Люнебургскаго или Полабскаго. Сверхъ того я обращался къ языкамъ Грузинскому, древнему Прусскому, Литовскому, Латышскому, Естонскому и Молдаво-Валахскому. Надобно замѣтить, что въ отношеніи къ указаніямъ не только на Славянскія нарѣчія, но и на языки иностранные, различіе между Рейфовымъ Лексикономъ и Корнесловомъ очень значительно: въ первомъ рѣдко встрѣчается вмѣстѣ болѣе пяти этихъ указаній, а въ последнемъ число ихъ иногда восходитъ до пятнадцати по тѣмъ и другимъ (нарѣчіямъ и языкамъ) порознь.

IV. Изъ предъидущаго можно видѣть, что въ числѣ пособій, употребленныхъ мною при составленіи Корнеслова, были и такіе языки, на которые не указывается въ Рейфовомъ Лексиконѣ. Отъ этого произошли нѣкоторые измѣненія отношеній между словами, сдѣланныя въ Корнесловѣ, именно:

1) Нѣкоторые слова перемѣщены отъ однихъ корней къ другимъ, напр. слово *колодезь* отъ корня *кладу* перемѣщено къ корню *холодъ*; *настежъ* отъ *стелать* къ неуп. *стежъ* = Бог. *stežege*, дверной крюкъ; *подражать* отъ другій къ *дорога*, и проч.

2) Иныя слова, числившіяся между производными, получили званіе корней, а другія, потерявъ это званіе, поступили въ число производныхъ къ извѣстнымъ корнямъ; къ первымъ относятся слова: *берегъ*, *боръ*, *вѣко*, *груда* и многія другія, а къ последнимъ: *бремя*, причисленное къ *братъ*, *вѣнецъ* — къ *вить*, *годный* — къ *годъ*, *льзя* — къ *легкій*, и проч.

3) Многія слова, освободившись отъ званія иноязычныхъ, получили право туземства, напр. *ведро*, *вратъ*, *глина*, и проч.; напротивъ того иныя слова, считавшіяся между туземными, признаны иноязычными; напр. слово *валандаться* происходитъ отъ Лит. *valandà*, продолженіе времени, а не отъ корня *влять*; *дрябнуть* = Исл. *dráfná*, гнить, вянуть, и Дат. *drave*, быть неповоротливымъ; *клеймо* = Исл. *kleima*, пятно, а не происходитъ отъ слова *клей*.

4. Нѣкоторые корни соединены, напр. *банка* и *баня*, *вязать* и *узы*, *гракать* и *кракать*, *дергать* и *торгать*, а иные отдѣлены одинъ отъ другаго, напр. *бороть* и *братъ*, *переть* и *прать*, *прію* (*пріять*) и *ичу*, *шеду* и *иду*.

Наконецъ 5. прибавлены корни, которыхъ нѣтъ въ Рейфовомъ Лексиконѣ, какъ то: *бронь*, *гортать*, *кита*, *клестить*, *ль*, *траять*, *хаха* и *хвѣять*; также открыты новые виды въ нѣкоторыхъ корняхъ, напр. *кра* вм. *кроить*, *меду* вм. *мну*, *педу* вм. *пну*, *тепу* вм. *тну*, *чеду* вм. *чну*, *чить* вм. *кой*.

Послѣ всего этого, не касаясь частныхъ, которыя состоятъ въ измѣненіи, прибавкѣ и распорядкѣ значеній того или другаго слова, я могу смѣло сказать, что изъ 1378 корней, заключающихся въ Корнесловѣ, ни одно слово не осталось въ томъ видѣ, какой оно имѣетъ въ Рейфовомъ Лексиконѣ. Впрочемъ всѣ показанныя измѣненія и дополненія сдѣланы мною не изъ желанія отличиться новизною, но сообразно съ тѣми правилами, какія приняты въ руководство при составленіи Корнеслова. Главнѣйшія изъ этихъ правилъ заключаются въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ.

I. При разсмотрѣніи языка въ цѣломъ его объемѣ, слова можно сравнить съ жителями государства, изъ которыхъ одни считаются коренными туземцами, другіе — переселенцами, давшими присягу на подданство, а иные — временно проживающими иностранцами. Сообразно съ этимъ всѣ слова, употребляемыя въ Русскомъ языкѣ, я раздѣляю на *племенные*, *усвоенныя* и *пришлыя*. Первые изъ нихъ принадлежатъ намъ съ незапамятныхъ временъ и, составляя основу Русскаго языка, служатъ всегдашнимъ памятникомъ нашего родства съ разрозненными народами великаго Славянскаго племени; вторыя, по давности употребленія, до того сроднились съ нашимъ языкомъ, что признаки чужаго происхожденія почти изгладились на нихъ и открываются не иначе, какъ при посредствѣ зслѣдованія; къ этому отдѣлу относятся слова, оставшіяся у насъ отъ народовъ, которые были въ ближайшемъ сношеніи

съ нашими предками и которые давно вошли въ составъ Русси, какъ напр. многіа изъ Финскихъ племенъ и переселившіеся къ намъ Скандинавы. Что касается послѣднихъ словъ, т. е. пришлыхъ, то они обязаны своимъ употребленіемъ прихоти людей, не обращающихъ вниманія на отечественный языкъ, чужеземности самыхъ предметовъ, а болѣе всего небрежности сочинителей и переводчиковъ, избегающихъ труда — заглянуть въ богатую окривившую роднаго языка. Впрочемъ нѣкоторые ¹⁾ утверждаютъ, что принятіе чужихъ словъ ни мало не предосудительно и не унижаетъ чести никакаго народа. Но если это такъ: то охраненіе отечественнаго языка отъ разнородной примѣси словъ, употребляемыхъ народами совершенно другаго племени, поставляетъ народъ выше всѣхъ похвалъ ²⁾. Замѣтимъ, что народъ, начиная сознавать достоинство своей письменности, старается очистить языкъ отъ чужеземной примѣси, и находитъ въ немъ слова къ выраженію новыхъ понятій. Мы кажется близки къ тому времени, когда нашъ языкъ очистится отъ накопившейся въ немъ примѣси. Но я, предваря это время, рѣшился, согласно съ предположенною цѣлю, исключить изъ Корнесслова всѣ иноязычныя слова. Вотъ главное положеніе, которымъ объясняется небольшое число ворной, заключающихся въ Корнессловѣ, и опущеніе словъ, по видимому, туземныхъ.

II. Противопоставляя племенные слова какъ увоеннымъ, такъ и пришлымъ, я буду называть первыя, въ отношеніи къ Русскому языку ¹⁾ *туземными*, а послѣднія вообще *иноязычными*. Употребленіе не дѣлаетъ между ними никакого разли-

¹⁾ Grimm, III, 837. — ²⁾ Такое охраненіе своего нарѣчія неумѣстно между Славянскими народами; напротивъ того, мы должны общими силами способствовать къ возвышенію общаго для насъ языка Славянскаго, и по примѣру древнихъ Балловъ, забывая о частныхъ своихъ названіяхъ, всегда имѣть въ виду, что мы всѣ — Славяне.

²⁾ Для иныхъ покажется страннымъ, что я въ одномъ мѣстѣ говорю: языкъ Русскій, а въ другомъ: нарѣчіе Русское; это объясняется разнѣніемъ отношеній; въ первомъ случаѣ нашъ языкъ противопоставляется языкамъ

чія; но выше сказано, что изъ Корнеслова исключены слова иноязычныя, слѣдовательно въ немъ имѣютъ мѣсто одни туземныя. Посему необходимо показать признаки, по которымъ я отдѣлялъ эти слова отъ иноязычныхъ.— Слово, употребляемое въ Русскомъ языкѣ, почитается иноязычнымъ, а) если оно не находится не только ни въ одномъ заграничномъ нарѣчій, но даже и въ Церковномъ; б) если у насъ занимаетъ мѣсто корня, а въ какомъ нибудь иностранномъ языкѣ принадлежитъ къ домашнему корню въ видѣ производнаго, и в) если служить къ означенію предмета, который относится къ иноземнымъ произведеніямъ природы. Само собою разумѣется, что тѣ реченія, которыя не подлежатъ этимъ условіямъ, получаютъ званіе туземныхъ.

III. Впрочемъ не къ каждому слову можно приложить всѣ показанныя условія; а недостатокъ котораго нибудь изъ нихъ подаетъ поводъ къ сбивчивости въ распредѣленіи корней относительно ихъ иноязычности или туземности. Посему, для предотвращенія ошибокъ въ этомъ случаѣ, я имѣлъ въ виду слѣдующія ограниченія: α) должно смотрѣть, не занято ли у насъ то слово, которое встрѣчается въ заграничныхъ нарѣчійхъ; это замѣчаніе относится къ Польскому, и особенно къ Богемскому нарѣчію, въ которое принято новѣйшими писателями значительное количество нашихъ словъ; β) слово, употребляемое въ нашихъ нарѣчійхъ, Украинскомъ и Литовско-Русскомъ, не можетъ по этому одному почитаться туземнымъ, потому что участокъ, доставшійся симъ нарѣчіямъ изъ общаго Славянскаго наслѣдства, трудно отличить отъ того, что занято ими изъ Русскаго нарѣчія въ позднѣйшее время; γ) слово, употребляемое во многихъ Славянскихъ нарѣчійхъ, но имѣющее корень въ языкахъ Литовскомъ или Латышскомъ, не всегда можетъ быть отчуждаемо у насъ, потому что эти языки, очень давно принявшіе въ свой составъ большое количе-

иностраннымъ, а въ послѣднемъ берется наравнѣ съ другими Славянскими нарѣчіями.

ство словъ происхожденія Славянскаго, могли сохранить такіе корни, которые вышли изъ употребленія въ Славянскихъ нарѣчіяхъ; δ) если слово, употребляемое въ Славянскихъ нарѣчіяхъ и вмѣстѣ въ иностранныхъ языкахъ, имѣетъ въ тѣхъ и другихъ одинакія права на туземство, то оно не должно считаться у насъ иноязычнымъ, потому что неизвѣстно, кто у кого занялъ: Славяне ли у иностранцевъ, или на-оборотъ, или; можетъ быть, тѣ и другіе почерпнули изъ одного общаго источника. Къ этому разряду реченій относится слово *меркумъ*; оно съ нѣкоторыми измѣненіями употребляется въ 11-ти Славянскихъ нарѣчіяхъ, не считая Русскаго, и также находится въ языкахъ: Исландскомъ, Шведскомъ и Датскомъ. Сверхъ того есть слова, которыхъ употребленіе начинается въ Индіи и простирается почти по всей Европѣ, какъ напр. слово *братъ*; это доказываетъ только первоначальное единство языковъ, котораго слѣды не вездѣ еще изгладились, но ни одному изъ языковъ не даетъ исключительнаго права собственности на означенное слово.

IV. Въ изслѣдованіи корней языка замѣчаются двѣ крайности: или полагается слишкомъ много коренныхъ словъ, или чрезмѣрно уменьшается ихъ количество. Въ первомъ случаѣ незначительная отмѣна въ буквахъ и даже перестановка ихъ не рѣдко служитъ поводомъ къ допущенію особаго корня; такъ въ Рейфовомъ Лексиконѣ почитаются разными корнями слова: *вязать* и *уза*, *дергать* и *торгать*, *катать* и *тачка*, *топоръ* и *тлпать*, и проч. Въ последнемъ случаѣ обнаруживается уліе подвести огромное количество словъ подъ нѣсколько десятковъ односложныхъ корней. Корнями для всѣхъ языковъ Германскаго происхожденія Фульда назначалъ только десять буквъ! Что касается меня, то при разборѣ корней Русскаго языка я держался середины между двумя крайностями, т. е. не разрознивалъ тѣхъ словъ, которыя имѣютъ явные признаки родства, но не сближалъ и тѣхъ, которыя, по совершенной

своей разнородности; такъ сказать, разбѣгается одно въ другое, вопреки усилію Языковѣдца.

V. Основу корней составляютъ не одни согласныя буквы, но и гласныя; это видно изъ того, что слова, имѣющія одинакія согласныя буквы, выражаютъ совершенно различныя понятія по различію гласныхъ, напр. даю, дою, дую, дѣю.

VI. Различіе между словами зависитъ не только отъ буквъ, входящихъ въ составъ корня, но даже отъ окончаній, которыми иногда имѣютъ большую важность въ отношеніи къ разности значеній, напр. бан-га и бан-я, гор-а и гор-е, каз-ать и каз-ить, куп-ать и куп-ить. Что дѣлать въ такомъ случаѣ? Поставлять ли каждое изъ этихъ словъ отдѣльно въ видѣ особыхъ корней, или соединять ихъ, подводя нѣсколько однозвучныхъ словъ подъ одинъ корень? Чтобы въ томъ или другомъ случаѣ не нарушить постановленнаго выше (IV) правила, я принялъ указателемъ середины между двумя крайностями замѣчаніе, что *значенія производимыхъ словъ должны имѣть близкое отношеніе къ корню*. На этомъ-то основаніи слова *банка* и *баня* признаны видами одного корня. Если же не лзя открыть такого отношенія, то два слова, совершенно различныя по значеніямъ, не смотря на сходство начальныхъ буквъ, должны считаться двумя особыми корнями. Эту разнокоренность подобныхъ словъ я объясняю тѣмъ, что они образовались у разныхъ народовъ, но, по неизвѣстнымъ для насъ обстоятельствамъ, сошлись въ Русскомъ языкѣ, можетъ быть, съ противоположныхъ концовъ свѣта. Впрочемъ посредствомъ произвольныхъ объясненій можно сблизить по значеніямъ и даже причислить къ одному корню какія бы то ни были слова, хотъ бы напр. мереть, мурава, моргать и мурныкать. ¹⁾ Но хороши ли тѣ объясненія, которыя надобно затверживать?

¹⁾ Примеры подобнаго сближенія словъ можно видѣть въ книжкѣ: Опытъ словопроизводнаго словаря, содержащій въ себѣ дерево, стоящее на корнѣ МР. С. Петербургъ, 1833, въ 4.

Какая польза отъ Словаря, который основанъ на такихъ объясненіяхъ?

VII. Между древними языками есть такіе, въ которыхъ званіе корней приписывается глаголамъ, и такіе, въ которыхъ имена пользуются симъ званіемъ; къ первому разряду относится Еврейскій языкъ, а къ послѣднему Армянскій. Нашъ языкъ, не имѣя права называться древнимъ, не можетъ похвалиться подобною однообразностію; въ немъ *название корней прилично имени и глаголу*, а изъ прочихъ словъ, которыя мало имѣютъ участія въ производномъ образованіи языка, очень немногія заслуживаютъ это названіе. При семъ считаю излишнимъ замѣтить, что иногда представляется затрудненіе въ выборѣ слова, которое слѣдуетъ признать корнемъ: имя ли, или глаголъ; это можно сказать о словахъ: городъ и городить, говоръ и говорить, ловъ и ловить, мѣна и мѣнять, плата и платить, родъ и родить, и проч. Не нашедши основанія для постановленія опредѣленнаго правила на этотъ случай, я предоставлялъ званіе корней тѣмъ словамъ, изъ которыхъ удобнѣе можно вывести значеніе производныхъ реченій.

VIII. Первообразнымъ видомъ слова въ имени почитается именительный падежъ, а въ глаголѣ, большею частію, неопредѣленное наклоненіе. Если же въ этомъ наклоненіи, съ отступленіемъ отъ общихъ правилъ языка, допущена потеря или измѣненіе коренныхъ буквъ, то его мѣсто занимаетъ настоящее время изъявительнаго наклоненія. Но если ни то, ни другое не сохранило въ цѣлости корневыхъ буквъ, въ такомъ случаѣ, по примѣру другихъ нарѣчій, образуется особый видъ неопредѣленнаго наклоненія; такъ по примѣру нарѣчій Украинскаго и Сербскаго получилъ образованіе корень *леги* или *леати*, потому что *лечь* и *лежу* не имѣютъ корневого состава.

IX. Въ объясненіи значеній коренныхъ словъ я придерживаюсь Общаго Церковно-Славяно-Россійскаго Словаря, изданнаго Соколовымъ; но въ некоторыхъ случаяхъ сдѣланы

мною измѣненія, когда это было необходимо для большей определенности или по другимъ причинамъ.

Х. Слова, приводимыя какъ изъ Славянскихъ нарѣчій, такъ и изъ иностранныхъ языковъ, располагаются двоякимъ образомъ: иногда по близости ихъ сходства съ Русскими словами, а иногда сообразно съ постепенностію самыхъ значеній. Если эти слова, по своимъ значеніямъ, вполне соответствуютъ нашему корню: въ такомъ случаѣ начинается съ того слова, которое имѣетъ болѣе сходства съ нимъ относительно къ звукамъ. Если же приводимыя слова разнятся значеніями не только отъ нашего корня, но и между собою; то располагаются такъ, чтобы можно было видѣть переходъ отъ первоначальнаго понятія къ другимъ дальнѣйшимъ. Въ последнемъ случаѣ иногда при нѣсколькихъ значеніяхъ надобно приводить одно и то же слово; для избѣжанія излишняго повторенія, при другихъ значеніяхъ указывается только названіе нарѣчія, и это названіе поставляется между вмѣстительнымъ знакомъ. Равнымъ образомъ не повторяются объясненія или переводъ при словахъ, которыя имѣютъ значенія, одинаковыя съ Русскими, а только поставляются при нихъ тѣ цифры, какими отличены въ Русскомъ словѣ соответствующія значенія.

XI. Иностранныя слова должно приводить съ большою осмотрительностію. Для тождества разноязычныхъ корней не довольно одного сходства буквъ; для этого необходимо, чтобы сходныя буквы имѣли одинаковое отношеніе къ составу корня. Если какія нибудь согласныя буквы въ иностранномъ словѣ принадлежатъ къ составу корня, а въ Русскомъ имѣютъ званіе приставки или окончанія (и на-оборотъ); то сличеніе такихъ словъ будетъ совершенно излишне и неосновательно. Въ Мейдингеровомъ Сравнительномъ Словарѣ Германскихъ нарѣчій ¹⁾ допущена однокоренность между словами *разумъ* и Итал. *ragione*, не смотря на то, что первое изъ нихъ разлагается на

¹⁾ Meidingers Vergleich. etymolog. Wörterbuch der gothisch — teuton. Mundarten. Fraukfurt am Main, 1833, in 8. S. 281.

приставку *разъ* и корень *умъ*, а последнее, какъ передѣланное изъ Лат. *ratio*, происходитъ отъ Латинскаго же слова *геог*, и потому корневою основою имѣетъ только слогъ *га* или *ге*. Подобнымъ образомъ надобно избѣгать натяжекъ, которыя иногда употребляются для того, чтобъ на дыбахъ словопроизводства, по выраженію Шлецера, вымучить изъ какогонибудь слова желаемые звуки. Посему я не сравнивалъ словъ: *боль* и Греч. *πόνος*, *блоха* и Греч. *ψύλλα*, *время* и Греч. *χρόνος*, *сорокъ* и Тур. *киркъ*, и проч.

XII. Послѣ приведенія иностранныхъ словъ, смотря по надобности, прибавляются примѣчанія. Въ этихъ примѣчаніяхъ иногда представляются примѣры одинакой сообразности понятій (*analogia*), какая замѣчается въ разныхъ языкахъ относительно къ приложенію переносныхъ значеній; напр. при словѣ *баранъ*, которымъ называется извѣстное животное и военное стѣнобитное орудіе, употреблявшееся встарину, прибавлены для соображенія: Церк. *овень*, Греч. *κρίος*, Лат. *aries*, Итал. *ariete*, Фр. *bélier* и Нѣм. *Sturmbock*. Иногда объясняется основаніе, послужившее поводомъ къ помѣщенію какогонибудь производнаго слова при такомъ корнѣ, при которомъ нѣтъ его въ Рейфовомъ Лексиконѣ; напр. слово *дитя* или стар. *дѣтя* въ Лексиконѣ занимаетъ мѣсто корня, а въ Корнесловѣ отнесено къ корню *дѣять*. Причиною этого перенесенія представлено то, что сословы означеннаго реченія: *ребенокъ* и *чадо*, происходятъ отъ корней, имѣющихъ одинакія значенія, именно: Укр. *робить* или Пол. *robić* и неуп. *чать, чну*, откуда Пол. *czyn*, дѣйствіе; въ подтвержденіе приведены Готѣ. *magus* и стар. Нѣм. *Macht*, *дѣтя*, отъ *machen*, *дѣлать*. Наконецъ указывается на тѣ словопроизводства, которыя имѣютъ вѣроятность, но не приняты мною по разнымъ причинамъ; такъ напр. слово *готовый* можно произвестъ отъ Готескаго корня *gataujan* или *taujan*, который означаетъ то же, что Нѣм. *thun*.

Желательно мнѣ, чтобы по этимъ правиламъ судили о моемъ Корнесловѣ; но хороши ли самыя правила, — это дру-

госъ дѣло: каждый судить по-своему; а кто на всѣхъ угождать, тотъ еще не родился.

Можно бы указать на затрудненія, съ какими я боролся при составленіи Корнеслова, начиная съ 1828 года; но это не прибавитъ достоинства книгѣ; притомъ мои объясненія для знакомыхъ съ этими дѣлами были бы излишніи, а чуждымъ подобныхъ занятій показались бы невѣроятными. Посему для тѣхъ и другихъ довольно припомнить отзывъ ученаго Скамгера о сочиненіи Словарей:

Si quis dura manet sententia judicis, olim
Damnatum ærumnis supplicisque caput,
Hanc neque fabrilis læssent ergastula massa,
Nec rigidas vexent fossa metalla manus;
LEXICA contexat! nam coetera quid, moror? omnes
Poenarum facies hic labor unus habet.

Приятно вспоминать о прошедшихъ трудностяхъ; но еще приятнѣе приводить себѣ на память тѣ обстоятельства, которыя содѣйствовали къ преодолѣнію этихъ трудностей. Съ чувствомъ глубочайшей признательности упоминаю о денежномъ пособіи, которое оказано мнѣ Императорскою Россійскою Академіею, съ разрѣшенія Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія и Президента Императорской Академіи Наукъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Сергія Семеновича Уварова. Очень благодаренъ Гг. Членамъ Разсматривательнаго Комитета при бывшей Россійской Академіи, которыхъ предварительныя замѣчанія на отрывокъ Корнеслова были для меня полезны. Признаю себя обязаннымъ Гг. Академикамъ: П. Н. Фусу за одобрительное вниманіе къ моему труду и за доставленную мнѣ возможность пользоваться книгами изъ Библіотеки Академіи Наукъ; — Д. И. Языкову за оказанную ко мнѣ благорасположенность и сообщеніе книгъ изъ собственной библіотеки, сверхъ книгъ, находящихся въ Библіотекѣ Россійской Академіи; — А. Х. Востокову, который охотно содѣйствовалъ къ усовершенію моего труда указаніемъ пособій, па-